

СООТНОШЕНИЕ «СЛОГ—МОРА» И ПРОБЛЕМА СЛОГОДЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются соотношения трех силлабных единиц современного японского языка (СЯЯ): фонетический слог (слог, который может быть ограничен паузой), поверхностный фонологический слог (слог, построенный по правилам японской фонотактики) и глубинный фонологический слог (тактово-ритмическая единица — мора). Нам представляется такой подход к силлабарию в СЯЯ наиболее рациональным и оправданным как с научной, так и с практической точки зрения, поскольку он наиболее адекватно представляет корреляцию собственно слогов и слогоподобных сегментов в этом языке.

Ключевые слова: фонетический слог, фонологический слог, мора, слоговоеделение.

V. Rybin

“SYLLABLE—MORAE” CORRELATION & PROBLEMES OF SYLLABIFICATION IN MODERN JAPANESE

Three syllabic units of Modern Japanese (MJ), phonetic syllable (syllable that can be limited by pause), surface phonological syllable (syllable constructed according to the rules of Japanese phonotactics) & deep phonological syllable (timing rhythmical unit —

mora), are regarded. It is suggested that such an approach to the syllabary of MJ is most effective both as a from scientific and practical viewpoints, because it most properly represents the correlation between "real" syllables & syllable-like segments in this particular language.

Keywords: phonetic syllable, phonological syllable, morae, syllabification.

При описании японской фонетики многие авторы, как правило, отмечают довольно простые как ее сегментный состав, так и слоговую структуру, присущую современному языку. Относительная простота и единообразие структуры слога, практическое отсутствие ресиллабации сближает японский язык со слоговыми языками. В то же время для современного японского языка (СЯЯ) значительно более характерны дву- и более сложные морфемы, имеются и морфемы короче слога (например, однокосонантные, типа суффикса каузатива -с-). В СЯЯ существует специфическая (темпорально-ритмическая, тактовая) единица — мора, отсутствующая в слоговых языках. Определение статуса моры, равно как и разграничение фонетических и фонологических слогов, — проблемы релевантные для описания фонологической системы японского языка [11, с. 1].

Собственно говоря, выходит, что, в отличие от таких языков, как русский, английский, немецкий и др., СЯЯ располагает двумя сегментными «надфонемными» единицами — слогом и морой. Известно, что лингвисты расходятся во мнениях по поводу определения самого понятия «слог», а в случае с японским — и по поводу функций этих единиц (слогов и мор).

Н. И. Фельдман по этому поводу писала следующее: «Существуют разные точки зрения на соотношение моры и слога, а также на долгие гласные (иначе говоря, стечение двух кратких): некоторые различают мору и слог (например, Хаттори Сиро, Н. А. Сыромятников, с разной мотивировкой); другие (Арисака Хидэё, Киндаити Харукико) отождеств-

ляют мору и слог и видят здесь две моры и два слога (тоже с разной мотивировкой)» [15, с. 17]. В статье мы предпримем попытку с учетом представлений о слоге в общей лингвистике показать специфику слога в СЯЯ, а также особенности соотношения «слог—мора».

Р. К. Потапова отмечает: «Функционирование в языке и речи такой единицы, как слог, вызвало целый ряд попыток со стороны лингвистов, акустиков речи и других специалистов в различных областях фонетических знаний определить природу этого феномена, дать достаточно полное описание слогового инвентаря того или иного языка, определить критерии слогаделения... В специальной литературе вопрос о границах слога и принципах слогаделения традиционно ставится в связи с проблемой слогаобразования» [9, с. 10].

Справедливым представляется и высказывание П. С. Кузнецова о важности слога для любого языка: «Мы не знаем ни одного языка на земле, где бы речевой поток не делился на слоги. Но именно для этой единицы существен парадоксальный факт: в то время как говорящие на данном языке совершенно естественно воспринимают деление на слоги, научаются производить это деление еще в детском возрасте, научное решение проблемы, однозначное определение этой операции при всем большом практическом значении получения этого решения наталкивается на очень большие трудности, и пока в полном виде вообще еще не найдено» [9, с. 10].

Тем не менее, в настоящее время исследований, которые бы подтвердили перцептивную реальность слога, нет. Все

рассуждения сторонников этой теории построены на определенных правилах, постулируемых на основе исходной гипотезы, но не проверенных в речевой деятельности человека [1, с. 98–99]. Если исходить из сонорной трактовки, то «слог представляет собой одну волну звучности, в вершине которой находится гласный. Организующая, упорядочивающая функция слога заключается в том, что согласные, находящиеся между гласными, распределяются так, что образуют как бы склоны волны» [1, с. 98].

Давая описание как сонорной теории слога, так и теории мускульного напряжения, Ю. С. Маслов отмечал: «Итак, слоговая структура речи основана на своего рода пульсации, на сменяющих друг друга моментах нарастания и спада мускульного напряжения, причем чаще всего параллельно происходит также нарастание и спад звучности. Тем самым слог несет очень важную функцию, связанную с организацией звуковой материи языка» [6, с. 67–68].

Важным, по нашему мнению, является и учет в определенной степени физиологических факторов, связанных со слогообразованием. По этому поводу Л. Р. Зиндер не без оснований отметил, что «не существует общих для всех языков факторов, обуславливающих деление речи на слоги. Такие факторы должны были бы иметь чисто физиологическое основание. Вместе с тем, хотя цепь слогов можно представить в виде волнистой линии с вершинами и долинами, с физиологической точки зрения нет никаких оснований для определения места, являющегося границей между двумя волнами» [3, с. 256].

Бондарко и другие авторы отмечают, что исследования слога как произносительной единицы еще далеки от завершающей стадии, но уже сейчас на основании данных, полученных экспериментально, могут быть сделаны следующие выводы:

1. Не любое сочетание гласного с окружающими согласными является произносительной единицей...

2. Слог типа CV является *минимальной* произносительной единицей. Это означает, что при артикуляции нет меньшего речевого элемента, чем слог...

3. Произносительная общность элементов, входящих в один слог, определяется тем, что произношение всех звуков определяется одной управляющей командой, одной программой артикуляторных движений... [1, с. 100].

В литературе отмечается также, что в таких языках, как русский, в пределах обсуждаемой сегментной последовательности действуют правила коартикуляции и что слог реализуется «не как последовательность составляющих его звуков, а как целый артикуляционный комплекс» [5, с. 470]. Представляется важным и замечание по поводу того, что в пределах слога действуют также правила распределения длительностей [5, с. 470].

В. Б. Касевич, анализируя функции слога и имеющую отношение к понятию слога коартикуляцию, отмечает: «Явление коартикуляции связано с тем, что фонемы в речевой цепи испытывают взаимное влияние. Понятие коартикуляции предполагает *фонетическое* взаимовлияние фонем... Поскольку эффект коартикуляции заведомо не может распространяться на неопределенно длинные последовательности фонем, можно надеяться выделить речевые отрезки, в пределах которых коартикуляция имеет место. Ряд исследователей выдвигали предположение о том, что слоги как раз и являются такими отрезками» [4, с. 102]. Однако, как отмечает этот же автор, «в настоящее время экспериментально показано, что коартикуляция не ограничивается сферой традиционного слога, но может распространяться и на более протяженные фонологические цепочки» [4, с. 102].

При рассмотрении проблем слоговой фонетики германских языков Р. К. Потапова трактует слог как сегмент, образующий «относительно целостный объект, которому присущи признаки интегративности и субаддитивности», и отмечает, что слог в речевой динамике — целостность, обладающая новыми качествами, не присущими ее составляющим и возникающими благодаря взаимодействию последних. Этот автор приходит к выводу: «На слоговые сегменты как на интегральные речевые относительно самостоятельные целостные объекты в речевой динамике накладываются новые свойства, которые обусловлены не только природой других составляющих высказывания, но и конкретными условиями каждой речевой реализации» [8, с. 6].

Что касается функций слога, то В. Б. Касевич отмечает, что ему (слогу) присущи: ритмообразующая функция, функция единицы решения при восприятии речи, функция основной оперативной единицы детской речи соответствующего этапа [4, с. 102].

В результате исследования функций слога как языковой единицы В. Б. Касевич пришел к важному с точки зрения слоговой фонологии выводу о том, что в одних языках слог — единица синтагматическая и не входит в некий инвентарь подобных единиц, а в других (слоговых) — парадигматическая [4, с. 102].

Исходя из этого, можно, вероятно, говорить о том, что слог в СЯЯ занимает некое промежуточное положение. С одной стороны, в зависимости от аналитического подхода, можно считать, что количество слогов представляет собой почти открытый список, и тогда — это синтагматическая единица. С другой стороны, перечень типов таких единиц довольно ограничен (это в какой-то степени напоминает положение слога в слоговых языках), а схемы, отражающие в абстрактном виде «правила формирования»

слогов, могут быть заданы списком, тогда они могут быть сочтены единицами парадигматической системы.

Поскольку слог, как отмечает Потапова, обладая полифункциональным характером, является фундаментом, на котором строится вся рече-языковая иерархия, он выступает специфической минимальной единицей речепроизводства и восприятия [8, с. 6–7].

Изучение слогов в том или ином языке требует обращения к языковому сознанию говорящих на этом языке, а также выявления признаков, которые, с точки зрения природных носителей данного языка, являются информативными в процессе коммуникации.

Что же считается слогом в СЯЯ? Ответ на этот вопрос мог бы показаться простым из-за значительных ограничений на вариативность этой структурной единицы и преобладание открытых слогов в нем. На самом деле, определение «японского слога» — проблема более сложного порядка. Естественно, при анализе необходимо учитывать как универсальные признаки слога, так и специфические, свойственные японской фонетике и фонологии.

Обратимся для начала к так называемым фонетическим слогам. Под фонетическим слогом часто понимают объединение сегментов вокруг слогообразующего звука речи, которое ограничивается паузами при скандированном произнесении. «Границы слога определяются прежде всего соотношением фаз артикуляции сочетаемых звуков. Она проходит в том месте, где артикуляторные связи между звуками наименее тесные... место слоговой границы определяется именно по-слоговому произнесением» [14, с. 5]. Во всех языках обнаруживается делимость на слоги: любой отрезок текста может быть произнесен носителем того или иного языка по слогам, хотя «фонемное строение слогов, набор их типов и разновидностей, правила

слогоделения... могут существенно различаться по языкам» [14, с. 5].

Как пишет Р. К. Потапова, «слог может быть неоднозначно описан в терминах фонотактики, перцепции и акустики» [8, с. 9].

Многие носители так называемых традиционных европейских языков при обращении к звучащей по-японски речи могут сосчитать за односложные такие звуковые цепочки, как [k^osa] «трава» (с редуцированным гласным /u/ в позиции между двумя глухими согласными), [des^o] «есть, является (связка)» (с редукцией этого же узкого гласного перед паузой после глухого). Однако носители японского языка практически не могут (без специальной тренировки) проскандировать эти последовательности на один такт: их лингвистическое сознание заставляет их произносить и эти (похожие на однослоги) сегментные цепочки на два такта — ku-sa и de-su.

В данном контексте уместным будет напомнить высказывание Е. Д. Поливанова о звуках в японском языке. «Звук сознается не сам по себе (а согласный, в виде нормы, и произноситься не может сам по себе — в изоляции, т. е. без следующего за ним гласного), а как один из элементов строго определенного слоγοпредставления» [7, с. 148].

Из приведенных примеров видно, что кроме фонетического слога, как он определен выше, наблюдается наличие и некоторой другой единицы, при этом между фонетическим слогом и этой единицей не всегда существует однозначное соответствие. Такое положение вещей как будто объясняет необходимость введения понятия «фонологический слог». Дать определение фонологическому слогу сложнее, чем фонетическому, несовпадение же этих единиц заключается в том, что один фонетический слог может равняться двум фонологическим и наоборот (см. примеры, приведенные вы-

ше). И [k^osa], и [des^o] фонетически односложны, но фонологически, по видимому, двусложны: они свободно заменяются на варианты /kusa/, /desu/, фонологическое присутствие /u/ сказывается в спектральных характеристиках [k^o], [s^o], причем эти характеристики воспринимаемы [18, с. 92], признание фонологичности сочетаний /k^os/, /es^o/ привело бы к допущению стечений разнородных согласных ([ks]) и консонантного исхода слова, хотя и на то и на другое в японском языке наложен запрет правилами фонотактики.

Как отмечалось выше со ссылкой на Н. И. Фельдман, подход к понятию слога в японистике различен у разных авторов. Два существующих направления среди фонетистов Японии связаны с именами Арисака Хидэё и Хаттори Сиро [16, с. 59–61].

Х. Арисака, признавая в принципе различие фонетического и фонологического слога, считает, что в японском языке эти единицы тождественны. Между тем обращение к исследовательской практике Х. Арисака показывает, что в качестве самостоятельных слогов он выделяет не только традиционные открытые слоги (СГ), но также конечные носовые и имплозивные участки согласных геминат, то есть самоназвание Японии /nippon/ он трактует как /ni-p-ro-N/.

В работах Камэи Такэси для обозначения таких единиц используется термин **ХАКУ** «такт» [16, с. 59–61]. Этот подход, в сущности, является отражением традиционной точки зрения японской национальной филологии, согласно которой «один знак слоговой азбуки (модзи) — один слог (хаку)» [12, с. 102–103]: единицам, выделяемым Арисака и Камэи, всегда соответствуют самостоятельные знаки слоговой азбуки. Можно сказать, что при таком подходе налицо некая интерференция письменного языка.

Другой точки зрения придерживается Хаттори Сиро и следующие за ним лин-

гвисты. С. Хаттори не отождествляет фонетический и фонологический слоги, говоря, что это — «различные вещи» [17, с. 197–205]. Автор иллюстрирует это положение следующим образом. Слово *хаси* «палочки для еды» в токийском диалекте в быстрой речи фонетически односложно [haʃ], хотя «фонологическая интерпретация этого слова выглядит как /hasi/, то есть имеет структуру /CVCV/ и содержит два фонологических слога» [17, с. 197–205]. Слова же типа /ko:/ «панцирь» и /koN/ «темно-синий цвет» и фонологически и фонетически являются односложными. При этом С. Хаттори делает оговорку: «почти всегда являются фонетически односложными», поскольку, видимо, он учитывает, что они в некоторых случаях (например, в мерной речи) произносятся как двусложные.

Кроме фонетических и фонологических слогов, С. Хаттори признает еще один вид вычленяемых сегментов — моры. Открытые слоги структуры СГ для него выступают как слоги, в то время как и эти слоги, и имплозивы, а также «вторая половина» так называемых долгих гласных и конечные носовые составляют моры. При этом отмечается, что мора также является фонологической единицей и не обязательно совпадает с фонологическим слогом [17, с. 197–205].

Основное различие в указанных двух подходах заключается, как будто бы, в том, что Арисака отправляется от скандированного произнесения, которое характерно для декламации (в этом случае имплозивные согласные и носовой НЬ выступают как отдельные ритмические единицы), и соотносит каждый выделяемый в этом случае сегмент со слогом (на такое членение указывают и закономерности японской версификации).

Проблемы соотношения слога и моры были подробно нами рассмотрены в японских языковых играх, в жаргонной лексике, в японских традиционных сти-

хах [11, с. 6]. Здесь же мы остановимся на разборе ряда стихотворений с точки зрения их ритмико-слоговой структуры.

Для наглядности приведем некоторые примеры японских стихов, о которых принято говорить, что они лишены рифмы, а строятся на ритмических «фигурах», имеющих силлабический характер.

Так, пятистишия *танка* (букв. «короткая песня»), форма которых «складывается из пяти стихов, точнее, синтагм, — двух пятисложных и трех семисложных, чередующихся по принципу 5-7-5-7-7», состояли всего из 31 слога (!) [2, с. 11]. Начнем с *танка*.

Возьмем первый пример из только что процитированной монографии И. А. Борониной, в которой анализируется поэтика классического японского стиха.

Кими нарадэ
тарэ-ника мисэн
умэ-но хана
иро-о мо ка-о мо
сирухито дзо сиру

Коль не тебе,
Кому я покажу
Этот сливы цветок?
И цвет и аромат
Знает лишь та, которую я знаю!

(Стихотворение № 38 из «Кокинвакасю» *Собрание старых и новых песен Японии*. Перевод И. А. Борониной. С. 52).

Во второй строке мы наблюдаем последовательность: та-рэ-ни-ка-ми-сэ-н, состоящую из семи ритмических единиц. Можно ли их всех считать в полном смысле слогами, о чем говорит в приведенной цитате сама же Боронина? Как же рассматривать «н» в конце строки?

По-видимому, «н» (в транскрипции Борониной) — это конечно-слоговой назальный морообразующий НЬ. Из чего следует, что он не представляет собой полноправного слога, а является маргинальной (финальной, по терминологии С. А. Старостина) морой. Исходя даже из

этого, мы имеем право утверждать, что в японских стихах главным ритмообразующим элементом является не слог, а мора. Недаром Дж. Мак-Коли, изучая фонологический компонент грамматики японского языка, говорил: «Японский язык имеет фонологические правила, зависящие от числа мор, но ни одного..., которое бы зависело от числа слогов». Этот же автор, определяя мору как единицу фонологического расстояния (*unit of phonological distance*), отнес японский язык в своей классификации к «моросчитающим силлабным языкам» (*mora-counting syllable language*) [19, с. 133].

Традиции в японском стихосложении соблюдаются и в настоящее время. Ярким и весьма иллюстративным нам представляется одно из стихотворений-пародий из сборника «Современные пародии на стихи из “Хякунин иссю”» (старинного сборника японской поэзии VIII–XIII веков «Сто стихотворений ста поэтов»), сочиненных современным японским поэтом-пародистом Синодзаки Тацуо [13, с. 21]:

Дарэ мо камо
Ои мо вакаки мо
Пасоконъ-дэ
Сиру мо сирану мо
Иньтаанэтто

Кто б то ни был,
И стар иль млад,
На своем ноутбуке
И знаком кто с ним иль нет
(Лезут) в Интернет.

Обратим внимание на вторую строку, где НЪ, входящий в состав комплексного слога КОНЪ, позволяет поддержать ритмическую структуру стиха: именно в этой строке должно быть пять ритмических единиц, если следовать метрическим канонам японского стихосложения. Последняя строка, состоящая всего из одного заимствованного слова, еще более показательна: в ней представлены все

типы японских мор: краткий слог структуры «согласный + гласный» (/ne/), конечно-слоговой назальный НЪ (из /iN/), «вторая половина» гласной геминаты /a/ (из /ta. a/) и имплозивный /t/ (из /t. to/). Участие всех этих ритмообразующих единиц позволило автору стихотворения-пародии соблюсти требуемый размер последней строки танка, в которой необходимо наличие семи метрических элементов.

Эту картину можно дополнить и примерами из японских трехстиший — *хайку*. В этой связи вернемся вновь к монографии И. А. Борониной, которая рассматривает и *хайку*-пародии, сочиненные Басё. Возьмем лишь один пример стихотворения-пародии, как пишет автор, на излюбленную тему китайской классической поэзии «хризантемы — последние цветы» [2, с. 325]:

Кику-но ноти	После хризантемы,
Дайкон-но хока	Кроме редьки,
Сара-ни наси	Ничего нет!

Нас в данном случае интересует не разбор этого стихотворения с точки зрения поэтики, а ритмическая структура второй строки, которая должна содержать, по представлениям И. А. Борониной, семь слогов. Однако мы видим здесь не семь слогов, а семь мор — да. й-ко. н-но-хо-ка. И «й», который некоторые авторы считают составным элементом дифтонгов (!), и конечно-слоговой «н» (из /koN/) опять же выступают как ритмообразующие сегменты.

Переходя от стихов к прозе, отметим, что нами некогда был поставлен эксперимент по «искусственному заиканию» (эффект Ли), которое вызывается у испытуемых (в нашем случае японцев) с помощью задержанной слуховой обратной связи. Материалы эксперимента позволили заключить, что слоги структуры СГ членимы на С и Г, а моры НЪ, Й, согласные имплозивы и «вторая половина»

(Г') так называемых долгих гласных могут обособляться, образуя самостоятельные элементы. Иначе говоря, не обнаруживается единственно возможной границы, членящей слоги, ср.: **на-НЪ** членится то как **н-а-НЪ**, то как **н-аНЪ**, то как **на-НЪ**. Разные варианты распада слога в условиях данного эксперимента отражают разные возможности его структурной организации: вычлениются **моры** /**на-НЪ**/, а в составе мор типа СГ — их составляющие [11, с. 6].

Исходя из различных сведений о звуковом устройстве японского языка, мы пришли к следующим заключениям. Лишь моры СГ в полной мере выступают как независимые, и слог, состоящий из одной такой моры, может быть распространен до двуморного путем присоединения справа Г' или присоединением слева С' (имплозивного участка согласной геминаты). Моры обоих последних типов не обладают полнотой независимости мор СГ: мора Г' иногда включается в другой слог, иногда же образует собственный, в то время как мора С', как консонантная по своей природе, не способна к формированию собственного слога.

Моры СГ определяются нами как **ядерные**, а моры Г' и С' — как **маргинальные**. Моры НЪ и Й можно, в свою очередь, квалифицировать как **терминальные**, поскольку они всегда заключают слог.

Относительно ядерных мор есть смысл говорить об их внутренней структуре, которую можно представить в терминах инициали (С) и финали (Г). Целостность такой моры значительно выше, чем в «традиционных» фонемных языках. Неядерным морам, в силу их полной или относительной несамостоятельности, приходится отказать в наличии внутренней структуры.

Возвращаясь к различным подходам в трактовке надфонемных единиц в СЯЯ, отметим, что их интерпретация С. Хатто-

ри, связанная с выделением трех видов сегментов, представляется нам более убедительной, хотя автор четко не определяет соотношение двух фонологических единиц — слога и моры. Мы исходим из возможности сегментирования японского текста на **фонетические слоги, поверхностные фонологические слоги и глубинные фонологические слоги**, или **моры**.

Под фонетическим слогом мы понимаем минимальный сегмент речевого потока (в нормальном речепроизводстве), который может быть ограничен паузами (#S#). Например, *naN#des^o#tte* «Что вы сказали?»

Под фонологическим слогом мы понимаем слог, образуемый по правилам фонотактики, среди которых для стандартного токийского диалекта учитываются следующие:

1) не допускается стечение разнородных согласных в пределах слога;

2) запрещено консонантное завершение слова (хотя может наблюдаться сильная редукция конечного гласного после глухого согласного), преобладает тенденция к образованию открытого слога [7, с. 147]. Согласно этим правилам, приведенная выше последовательность членится на фонологические слоги так: /*naN-de-su-tte*/. В пользу отнесения удвоенных согласных к слогоначальным говорят такие примеры, как *poHдоHкко* «лондонец» или *geHдайкко* «суперсовременный молодой человек», где *-кко* является словообразовательным суффиксом. В этих примерах слоговые границы будут проведены следующим образом: *poH-доH-кко*, *geH-дай-кко*. Основания именно для такого слога-деления также находим в фонотактических правилах: /j/ встречается в конце слога, а в начально-слоговой позиции может предшествовать гласному, /N/ не встречается в начале слога и бывает только конечно-слоговой. Если допустить, что начальные косонанты геминат относятся к предшествующему слогу, то в на-

ших примерах мы получим такие слоги: -доНк-, -дайк-, которые бы своей структурой грубо нарушали существенные правила японской фонотактики.

Фонетический слог не совпадает с поверхностным фонологическим, главным образом, за счет редукции узких гласных /i/ и /u/ в позиции между двумя глухими согласными или в конце слова после глухого, как считал Е. Д. Поливанов, «вплоть до превращения в полный физический нуль».

Под морами мы понимаем сегментные элементы, могущие выступать в качестве отдельных тактовых (ритмических) единиц (например, в мерной речи), в некоторых случаях (в палиндромах, в языковых играх) способные функ-

ционировать как отдельный слог, а также являющиеся самостоятельными конституентами слова, которые определяют правила акцентного оформления последнего [10, с. 86–93]. Приведенный выше пример в терминах мор будет представлен так: /na-N-de-su-t-te/.

Резюмируя все вышесказанное, можно сказать, что наш подход к сегментированию японского текста с силлабной точки зрения представляется вполне рациональным: собственно-фонетические слоги (этот класс типов слогов более многочислен), поверхностные фонологические слоги (структурных типов чуть больше десятка) и глубинные фонологические слоги (моры), количество которых превышает 160 единиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. Основы общей фонетики. СПб., 1991. 152 с.
2. Боронина И. А. Поэтика классического японского стиха (VIII–XIII вв.). М., 1978. 373 с.
3. Зиндер Л. Р. Общая фонетика. М., 1979. 312 с.
4. Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983. 295 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. 685 с.
6. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М., 1998. 272 с.
7. Плетнер О. В., Поливанов Е. Д. Грамматика японского разговорного языка. М., 1930. 169 с.
8. Потапова Р. К. Сегментно-структурная организация речи (экспериментально-фонетическое исследование): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1981. 46 с.
9. Потапова Р. К. Слоговая фонетика германских языков. М., 1986. 144 с.
10. Рыбин В. В. О значимости моры для описания фонологической системы современного японского языка // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. Вып. 3. СПб., 2006.
11. Рыбин В. В. Слог в японском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986. 16 с.
12. Рыбин В. В. Фонетический слог, фонологический слог, мора в японском языке и в японистике // Тезисы Второй всесоюзной школы молодых востоковедов (Тбилиси, октябрь 1982 г.). Т. II. М., 1982. 269 с.
13. Синодаки Тацуо. Гэндай-но пародии. Модзири «Хякунин иссю». (Современные пародии на стихи из «Хякунин иссю»). Т. 1. Токио, 2005. 77 с.
14. Торсуев Г. П. Строение слога и аллофоны в английском языке (в сопоставлении с русским). М., 1975. 239 с.
15. Фельдман Н. И. Японский язык. М., 2002. 94 с.
16. Хаттори Сиро. Онсэйгаку (Фонетика). Токио, 1971. 277 с.
17. Хаттори Сиро. Ударение в японском языке в фонологическом аспекте // Языкознание в Японии. М., 1983. 249 с.
18. Han M. S. Unvoicing of Vowels in Japanese // Study of Sounds. X. 1962. 173 p.
19. McCawley J. D. The phonological component of a Grammar of Japanese. The Hague-Paris, 1968. 206 p.